

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна

**«СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА»
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX вв.:
Проблемы теории и методологии истории**

07.00.09 – Историография, источниковедение и
методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2005

Работа выполнена на кафедре Российской истории
Самарского государственного университета

Научный консультант:	доктор исторических наук, профессор Петр Серафимович Кабытов
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор Галина Ивановна Зверева доктор исторических наук, профессор Олег Владимирович Сеницын доктор исторических наук, профессор Александр Алтерович Литвин
Ведущая организация	Саратовский государственный университет

Защита состоится _____ 2005 г. в _____ ч. на заседании диссертационного совета Д.212.081.01. в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18, корпус 2, ауд. 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан _____ 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Р.Г.Кашафутдинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Комплексное и глубокое изучение российской исторической мысли необходимо для методологического самоопределения современной исторической науки. После того, как марксистская методология перестала быть жестко обязательной, историческая наука вступила в период интенсивных методологических поисков: предпринимаются попытки выработать новые или же вернуть к жизни прежние парадигмы исторического знания. Это вызвало обостренный интерес к наследию дореволюционной историографии, в том числе к научно-методологическим дискуссиям рубежа XIX–XX вв.

Для российской общественной мысли рубеж XIX – XX вв. был отмечен острым противоборством ряда научных направлений и школ по вопросам теории и методологии истории¹. Научно-методологические дискуссии служили стимулом для поиска новых теоретических подходов к изучению истории. В силу этих причин изучение методологических исканий рубежа XIX–XX веков стало актуальным и плодотворным направлением развития современной историографии.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени в отечественной исторической науке накоплен большой опыт в изучении историографической ситуации конца XIX – начала XX веков. В советское время было принято характеризовать состояние исторической науки указанного периода как кризисное. При этом понятие «кризиса исторической науки» было идеологизированным: важнейшим признаком кризиса считалось отсутствие единой парадигмы исторического знания, а методологическим «разброду и шатаниям» в исторической науке предреволюционной России исследователи противопоставляли концептуально-теоретическую целостность советской науки, опирающейся на принципы марксистско-ленинского учения². Первыми пересмотрели эти стереотипы историографы Л.Н. Хмылев, И.Д. Ковальченко, А.Е. Шикло: мето-

¹ Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX– начала XX вв. Томск, 1978; Вайнштейн О.Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX вв. Л., 1979; Нечухрин А.Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е годы XIX в. – 1917 г.). Автореф. дис. ...доктора ист. наук. М., 1993; Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1997; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999–2000 и др.

² Пионтковский С.А. Буржуазная историческая наука в России. М., 1931. С. 62; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Курс лекций. Л., 1962. С.125–134; Черепнин Л.В. Кризис буржуазной исторической науки в период империализма // Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной, М.А. Алпатовой, Б.Г. Вебера и др. Т. 3. М., 1963. С. 239–278; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С.208–228 и др. Особую позицию занимал Н.Л. Рубинштейн, считавший «кризис» результатом отхода российской исторической науки рубежа XIX–XX веков от гегельянского историзма. (См.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 12–15, 191–195, 347–355, 477–486).

логический кризис, с их точки зрения, был кризисом роста, следствием отказа от изжившей себя познавательной модели «первого позитивизма»³.

Методологический прорыв в изучении данной проблематики произошел в 1990-е годы, когда российские историографы смогли свободно высказывать собственные теоретические воззрения и активно использовать достижения зарубежной науки.

Плодотворным оказалось изучение процессов, происходивших в отечественной исторической мысли начала XX века, с точки зрения смены научных парадигм, – подхода, предложенного в 1960-е гг. методологом науки Т. Куном⁴. В сфере российской историографии подход Т. Куна одним из первых применил А.Н. Нечухрин. Ситуацию, сложившуюся в отечественной исторической науке конца XIX – начала XX века, он интерпретировал как «смену парадигмальных установок». Отказ от позитивистской парадигмы, произошедший в начале XX века, по мнению историографа, свидетельствовал о том, что историческую науку затронула «третья глобальная научная революция», связанная с кризисом мировоззренческих установок классического рационализма и новым пониманием категорий истины и объективности⁵.

За последнее десятилетие восприятие рубежа XIX–XX веков как особого этапа в развитии отечественной исторической науки – времени смены парадигм исторического знания и «кризиса позитивизма» – стало общепринятым в отечественной историографии. Так, эта точка зрения отражена в фундаментальных обобщающих трудах Н.М. Дорошенко, В.П. Корзун, С.П. Рамазанова и др., посвященных методологическим поискам в российской исторической науке рубежа XIX–XX вв.⁶.

Стремясь ответить на вопрос о том, какие же научные течения в начале XX века могли составить достойную альтернативу позитивизму, современные исследователи в подавляющем большинстве случаев выделяют неокантианское направление отечественной методологии истории⁷. Среди других методологи-

³ Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии к. XIX – нач. XX вв. Томск, 1978. С.3-7, 34-35; Ковальченко И.Д., Шикло А.Е. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 1982. № 1. С.25-26.

⁴ Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. М., 2002.

⁵ Нечухрин А.Н. Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 1992. Рук. деп. в ИНИОН РАН за № 47748 от 22.02.93. С. 4, 8, 51.

⁶ Дорошенко Н.М. Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1997; Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург, 2000; Рамазанов С.П. Указ. соч. и др.

⁷ Сеницын О.В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX – начале XX вв. Казань, 1998; Синельников Д.П. О возможности актуализации методологического опыта русских историков-неокантианцев // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Вып. 2; Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. № 2; Румянцева М.Ф. Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: судьба наследия // Философский век = The philosophical age: Альманах. СПб.,

ческих направлений, сложившихся в начале XX века, внимание историографов в последние годы привлекает зарождавшаяся тогда культурная антропология (М.С. Корелин, И.М. Гревс, Л.П. Карсавин и др.)⁸, а также историософские поиски религиозных мыслителей: Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и других⁹. В российской исторической мысли конца XIX – начала XX веков сложилось направление «раннего культурологизма», к которому принадлежали и историки-неокантианцы, и религиозные мыслители, и даже некоторые творчески мыслявшие позитивисты¹⁰.

Все это позволяет утверждать, что в начале XX века развитие отечественной исторической мысли шло в направлении формирования антропологической парадигмы исторического знания – по тому же пути, который прошла за XX век западная историческая мысль. Первые шаги к формированию «антропологической парадигмы» были сделаны на рубеже XIX–XX веков немецкими философами-неокантианцами Г. Риккертом и В. Виндельбантом, с одной стороны, и представителями «философии жизни» В. Дильтеем и Г. Зиммелем – с другой. В профессиональной исторической науке антропологическая парадигма укрепилась в 1930-е годы усилиями знаменитой французской школы «Анналов». Расцвет антропологической парадигмы в европейской и американской исторической науке выпал на вторую половину XX в.: 1950-1970-е годы в историографии характеризуют как время антропологического поворота в исторической науке¹¹.

Главной отличительной чертой культурной антропологии стал «сдвиг интересов социальных историков от исследования объективных структур и процессов к обыденному сознанию прошлых эпох, к отличающимся массовым характером и большой устойчивостью ментальным представлениям, ценностям, обычаям, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям

1999. Вып.10; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004; Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; Историческая наука и методология истории в России XX века. Вып.1 / Отв. ред. А.В.Малинов. СПб., 2003 и др.

⁸ Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в работах М.С. Корелина. М., 1984; Ястребицкая А.Л. 1) Историк-медиевист Лев Платонович Карсавин (1882-1952). Аналитический обзор. М., 1991; 2) У истоков культурно-антропологической истории в России // Российская историческая мысль. Из эпистолярного наследия Л.П. Карсавина. М., 1994. С. 8-22; 3) Лев Платонович Карсавин: Творчество историка и историографический процесс // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 6. М., 2001.

⁹ Дорошенко Н.М. Указ. соч.; Ивонина О.И. Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв. Новосибирск, 2000; Леонтьева О.Б. Николай Александрович Бердяев: в поисках смысла истории. Самара, 2000 и др.

¹⁰ Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Между монизмом и плюрализмом: российская историческая мысль на рубеже XIX–XX вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999. С. 215–222.

¹¹ Зверева Г.И. Роль познавательных «поворотов» второй половины XX века в современных российских исследованиях культуры // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. М., 2001. С.11-13.

поведения»¹². В познавательный арсенал историка вошло «понимание» как особая познавательная процедура – герменевтическое вживание в чуждую картину мира; другой важной чертой антропологической парадигмы стало понимание того, что роль ученого-историка в процессе исторического познания носит активный, творческий характер¹³.

Таким образом, перед ученым, обратившимся к изучению историографической ситуации рубежа XIX–XX веков, открывается возможность исследовать ее как пример сосуществования конкурирующих парадигм исторического знания: позитивистской, с ее объективизмом и направленностью на выявление законов истории, и антропологической, для которой был характерен интерес к проблемам «картин мира» прошлого и креативной роли историка в историческом познании. Начало XX века в российской исторической науке стало «точкой бифуркации», когда обозначились различные пути дальнейшего развития исторической науки.

Существенным вкладом в реконструкцию историографической ситуации рубежа XIX–XX веков стало появление в конце 1980-х – начале 2000-х гг. ряда монографий, посвященных схоларной проблематике – истории отдельных научных школ и направлений. Таковы работы В.П. Золотарева, Б.С. Кагановича, Р.А. Киреевой, С.И. Михальченко, Н.В. Иллерицкой, Г.П. Мягкова, С.Н. Погодина, А.С. Попова и др. о научных школах в исторической науке¹⁴, М.Г. Вандалковской, А.В. Антощенко об историках-евразийцах¹⁵ и др. В этих исследованиях была выработана матрица историографического

¹² Репина Л.П. Социальная история в историографии XX века: научные традиции и новые подходы. М., 1998. С. 16–17. См. также: Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 242.

¹³ Рикер П. История и истина. СПб., 2002. С.35-57; Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. ст. М., 1977. С.128.

¹⁴ Мягков Г.П. Русская историческая школа: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник. 1989. М., 1990. С.19-27; Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С.45-61; Гутнов Д.А. Об исторической школе Московского университета // Вестник Московского университета. Серия История. 1993. № 3. С.40-53; Золотарев В.П. Отечественные школы новоевропейской истории в меняющемся менталитете России и СССР // Историческая наука в меняющемся мире. Казань, 1993. Вып. 1. С.81-85; Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995; Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М. – Брянск, 1996; Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Попов А.С. В.О.Ключевский и его «школа»: Синтез истории и социологии. М., 2001; Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д.Кавелина и Б.Н.Чичерина. М., 2004 и др.

¹⁵ Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петрозаводск, 2003 и др.

анализа научных школ: такой анализ, как правило, включает реконструкцию мировоззренческих и методологических устоев того или иного научного сообщества, историю его рождения, становления и упадка, коммуникативных связей и взаимоотношений порядка «учитель-ученик» и «коллега-единомышленник», а также дискуссий с другими существовавшими в то время научными школами, философскими и общественно-политическими течениями.

Но процесс противоборства различных типов исторического мышления нельзя восстановить во всей полноте, если обращаться только к наследию профессиональных историков. Философы, политические деятели, литературные критики также искали ответ на вопрос о смысле и цели исторического процесса, о предсказуемости исторического будущего, о соотношении свободы, закономерности и случайности в исторической реальности, наконец, о принципах и возможностях самого познания истории. Обращение к изучению их наследия позволит реконструировать более сложную и исторически более точную картину развития исторической мысли.

Объектом настоящего исследования является субъективная школа как особое теоретико-методологическое направление в российской мысли последней трети XIX – начала XX веков; **предметом исследования** служат теоретико-методологические позиции представителей школы.

Хронологические рамки исследования охватывают последнюю треть XIX – первую четверть XX вв.: от возникновения субъективной школы (рубеж 1860–1870-х годов) до середины 1920-х годов – времени, когда субъективная школа полностью утратила свои позиции в отечественной мысли.

Целью настоящего исследования является историографическая реконструкция методологии истории и теории исторического процесса, предложенных мыслителями субъективной школы, в контексте методологических перемен, которые происходили в тот период в российской и зарубежной исторической мысли.

Путь к достижению этой цели автор видит через решение следующих **задач**:

- рассмотрение истории изучения теоретико-методологических позиций представителей субъективной школы в отечественной и зарубежной историографии XIX – XX вв., и выявление достижений, дискуссионных проблем и нерешенных вопросов данной историографической темы;
- анализ представлений мыслителей субъективной школы о целях и специфике исторического познания, о задачах и предмете исторической науки;
- реконструкция предложенного мыслителями субъективной школы метода познания и оценка его эвристического потенциала применительно к исторической науке;
- выявление и определение значения историко-психологического и историко-антропологического компонентов в теоретическом наследии представителей субъективной школы;
- сопоставительно-историографический анализ «формул прогресса», разработанных российскими субъективистами;

– изучение воззрений теоретиков субъективной школы на проблемы исторической закономерности, роли человеческой свободы и сознательной целеполагающей деятельности в историческом процессе, соотношения детерминистического и телеологического восприятия исторического процесса;

– анализ проблематики научно-теоретических дискуссий, которые вели приверженцы субъективной школы с представителями других направлений исторической мысли того времени;

– установление места и роли субъективной школы в развернувшемся на рубеже XIX – XX веков процессе выбора парадигм исторического знания, поиска новых и консервации прежних форм исторического мышления, пересмотра и обновления методологического инструментария исторической науки.

Теоретико-методологической основой работы является теория научных революций Т. Куна, в соответствии с которой научные кризисы интерпретируются как структурно необходимые моменты развития, ведущие к смене парадигм научного знания и обновлению теоретико-методологического инструментария науки. Применительно к историческому знанию автор разделяет теоретические представления К. Поппера, позволяющие рассматривать глобальные исторические концепции, созданные в XIX веке – гегельянство, позитивизм, марксизм, – как варианты «историцизма», особой модели исторического мышления, для которой характерно признание объективных законов истории и предвидения будущего на основании научного или спекулятивного познания этих законов¹⁶. Автор исходит из представления о полифоническом характере исторического знания, развивающегося в непрерывном научном диалоге с предшественниками, – представления, воплощенного в фундаментальных методологических трудах XX века, от «Апологии истории» М. Блока до «Метаистории» Х. Уайта¹⁷.

Методами научного исследования в нашей работе служат: *историографический анализ* – реконструкция исторической концепции того или иного автора, оценка степени ее научной новизны, возможной верификации и эвристической ценности применительно ко времени создания; *герменевтический анализ* – имманентное понимание теорий, выдвинутых мыслителями прошлого, как целостных семиотических систем с собственной внутренней логикой; *историографический синтез* – установление соответствия концепций и реконструкция целостных научных школ и направлений; *ретроспективный анализ*, предполагающий оценку научно-методологического и эвристического потенциала тех или иных концепций с учетом той эволюции, которую претерпела историческая наука за прошедшее столетие. Применяется также *анализ языка авторской риторики* мыслителей субъективной школы, метафор, использовавшихся ими для образного описания роли человека в истории и действия исторических законо-

¹⁶ Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 69–79; № 10. С. 56–57.

¹⁷ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с франц. М., 1973. С. 37–38, 79–85; Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Екатеринбург, 2002. С. 7–14 и др.

мерностей: это позволяет выявить и реконструировать концептуальные основы исторического мышления ученых прошлого, как открыто декларировавшиеся ими воззрения, так и невербализованные, неявные, но тем не менее влиятельные ментальные структуры.

Источниковая база исследования. Основными источниками для работы послужили опубликованные труды представителей субъективной школы в российской общественной мысли последней трети XIX – начала XX веков, а также труды их современников – отечественных и зарубежных историков, социологов, философов.

Выбор конкретных произведений для историографического анализа определен задачами, поставленными перед настоящим исследованием. Критерием выбора служило наличие в трудах представителей субъективной школы теоретико-методологического компонента, то есть явно выраженной позиции по вопросам о целях и методах гуманитарного познания, о направленности исторического процесса и его движущих силах, о роли личности в истории. В то же время для восстановления картины противоборства различных парадигм исторического знания, различных представлений о задачах гуманитарного познания и о движущих силах исторического процесса необходимо было рассмотреть труды российских мыслителей конца XIX – начала XX веков, выполненные по смежным с историей гуманитарным дисциплинам: по социологии и политической экономии, истории литературы и истории философии. Обращение к таким трудам, а также к литературным и публицистическим произведениям приверженцев субъективной школы позволило показать богатство и сложность интеллектуальной атмосферы, которая служила питательной средой для создания исторических концепций, выявить сложное переплетение взаимосвязей между различными идейно-теоретическими и научными направлениями.

Источники, послужившие основой для написания настоящей работы, можно подразделить на несколько групп:

– труды теоретико-методологического характера – работы по вопросам теории и методологии исторической науки, теории исторического процесса, философии истории («Основные вопросы философии истории», «Сущность исторического процесса и роль личности в истории», «Теория исторического знания», «Историология» Н.И. Кареева; «Исторические письма», «Задачи понимания истории», «Важнейшие моменты в истории мысли» П.Л. Лаврова; «Что такое прогресс», «Теория Дарвина и общественная наука», «Аналогический метод в общественных науках» Н.К. Михайловского; «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки» В.М. Чернова; «По вопросам истории и социологии» Л.Э. Шишко и др.); в эту же группу входят труды видных мыслителей XIX – начала XX века, заложивших основы новых теоретико-методологических направлений, новых путей осмысления истории – О. Конта, К. Маркса, Ф. Энгельса, М.М. Ковалевского, М. Вебера, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, В. Дильтея и др.;

– труды по отечественной и зарубежной истории, а также по истории философии, истории общественной мысли, истории литературы, обращение к ко-

торым позволяет проследить, как российские мыслители применяли на практике сформулированные ими теоретико-методологические принципы («Опыт истории мысли», «Опыт истории мысли нового времени», «Важнейшие моменты в истории мысли» П.Л. Лаврова; «История Западной Европы в новое время» Н.И. Кареева; «История русской общественной мысли» Р.В. Иванова-Разумника; «История русской интеллигенции» Д.Н. Овсянко-Куликовского и др.);

- труды по социологии («Социологические этюды» С.Н. Южакова; «Социологические очерки» И.И. Каблиц-Юзова, «Введение в изучение социологии» Н.И. Кареева и др.);

- учебные пособия, а также тексты лекционных курсов и отдельных лекций мыслителей изучаемых направлений;

- рецензии, полемические работы («Критика экономического материализма» Н.И. Кареева; «Изложение и критика идей неомарксизма» Л.Е. Оболенского и др.);

- мемуары, в частности, воспоминания Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое», а также воспоминания о П.Л. Лаврове и Н.К. Михайловском, оставленные их соратниками по литературной деятельности и общественному движению;

- публицистические и литературные произведения, обращение к которым позволяет в яркой и образной форме реконструировать исторические представления мыслителей конца XIX – начала XX века (автобиографические очерки Н.К. Михайловского «Вперемешку»; очерки С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и др.).

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в отечественной и зарубежной науке теоретико-методологические воззрения представителей субъективной школы конца XIX – начала XX веков рассмотрены в качестве предмета комплексного специального историографического изучения.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- рассмотрена история изучения теоретико-методологических позиций представителей субъективной школы в отечественной и зарубежной историографии XIX – XX вв., выявлены достижения, дискуссионные проблемы и нерешенные вопросы данной историографической темы;

- изучены представления мыслителей субъективной школы о целях и специфике исторического познания, о задачах и предмете исторической науки;

- реконструирован метод познания, предложенный мыслителями субъективной школы, определен его эвристический потенциал применительно к исторической науке;

- выявлены историко-психологический и историко-антропологический компоненты в теоретическом наследии представителей субъективной школы, что позволило определить роль, которую сыграло это идейно-теоретическое направление в методологической подготовке антропологического поворота;

- исследованы воззрения теоретиков субъективной школы на проблемы исторической закономерности, роли человеческой свободы и сознательной це-

леполагающей деятельности в историческом процессе, соотношения детерминистического и телеологического восприятия исторического процесса, что дало возможность выявить в рамках этой традиции несколько конкурировавших друг с другом моделей восприятия исторической реальности;

- осуществлен сопоставительный анализ теорий исторического прогресса, созданных представителями субъективной школы, что позволило реконструировать аксиологические аспекты их исторических представлений;

- проведена историографическая реконструкция идейно-теоретической полемики вокруг указанных проблем между приверженцами субъективной школы и других направлений исторической мысли того времени;

- установлено место субъективной школы в развернувшемся на рубеже XIX – XX веков процессе выбора парадигм исторического знания, в поиске новых и консервации прежних форм исторического мышления, в пересмотре и обновлении методологического инструментария исторической науки.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его содержание и основные выводы могут быть использованы при осуществлении специальных и обобщающих исследований по истории отечественной исторической науки и общественной мысли XIX–XX веков, а также в преподавании курсов историографии отечественной истории, истории философии и общественной мысли, при подготовке учебных пособий по данным курсам.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в монографиях, научных статьях, рецензиях. Отдельные разделы диссертации послужили основой докладов на следующих научных конференциях:

- Российской межвузовской научной конференции «Россия в новое время: Образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях конца XIX – начала XX в.» (Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 17-18 апреля 1998 г.);

- Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех»: «Российская интеллигенция: Критика исторического опыта» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1-2 июня 2001 г.);

- Международной конференции «Науки о человеке в современном мире» (Санкт-Петербургский центр истории идей, 19-21 декабря 2002 г.);

- Научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.С. Соловьева «Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве Владимира Сергеевича Соловьева» (Санкт-Петербургский государственный университет, 14-15 февраля 2003 г.);

- Санкт-Петербургских чтениях по теории, методологии и философии истории «Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского» (Санкт-Петербург, Институт международных образовательных программ, 21 апреля 2003 г.);

- Международной летней школе «История Российской империи: Преодолевая недостатки национальных и региональных нарративов. Сравнительный

подход в исследованиях и преподавании» (Институт «Открытое общество», фонд Сороса, Центрально-Европейский университет (Будапешт), Саратовский Межрегиональный институт общественных наук, Саратов, 5-20 августа 2004 г.);

– Третьей международной конференции «Человек в современных философских концепциях» (Волгоградский государственный университет, 14-17 сентября 2004 г.).

Структура работы определяется задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Субъективная школа изначально формировалась как российское ответвление позитивистской философии, унаследовав следующие особенности позитивизма: представления о возможности создания концептуально единой научной картины мира на базе синтеза естественных и социальных наук; представление о том, что важнейшей задачей социальных наук является познание закономерностей, действующих в общественной жизни.

2. Разработанная мыслителями субъективной школы историческая эпистемология представляла собой радикальный пересмотр позитивистской парадигмы познания; главной ее особенностью было восприятие познающего субъекта как активной, креативной стороны познания, а исторического знания – как многогранного, слагающегося из множества интерпретаций.

3. Теоретической заслугой мыслителей субъективной школы была разработка программы исторического «понимания» как одной из важнейших задач исторической науки; обращение к историко-антропологической проблематике позволяет считать российских субъективистов провозвестниками антропологического поворота в исторической науке.

4. Не отрицая существования социальных закономерностей, теоретики субъективной школы отстаивали убеждение, что действие этих законов в исторической реальности корректируется вмешательством сознательной человеческой воли.

5. Колебания представителей субъективной школы между детерминистическим и телеологическим видением истории были обусловлены ценностными соображениями: стремлением объединить позитивистский идеал научного познания с этикой социальной активности.

6. Процесс смены парадигм исторического познания, развернувшийся в русской мысли в XX веке, непосредственно отразился на развитии субъективной школы: в трудах ее представителей был существенно пересмотрен позитивистский подход к истории и намечены некоторые черты антропологической парадигмы, ориентированной на реконструкцию ментальных структур прошлого.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, характеризуется источниковая база диссертации. Выделены основные этапы изучения так называемого «кризиса исторической науки» конца XIX – начала XX вв. в отечественной историографии, анализируются различные теоретико-методологические подходы к изучению данной проблематики, что позволяет автору определить методологическую основу собственного исследования.

Первая глава «ИЗУЧЕНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ» содержит анализ результатов исследований «субъективной школы» как особого феномена российской мысли XIX – начала XX веков. Рассматривается происхождение термина «субъективная школа», история конкурирующих наименований этого направления. Автор настоящей работы предлагает использовать наименование, за которым стоит наиболее солидная историографическая традиция: «субъективная школа в социологии» или просто «субъективная школа».

В первом параграфе «Изучение наследия субъективной школы в последней четверти XIX – первой половине XX веков: формирование и утрата научных традиций» отмечается, что изучение «субъективной школы» в отечественной историографии началось в последней четверти XIX века. К этому времени относятся критические выступления В.Л. Кигна, Л.Е. Оболенского, Л.З. Слонимского, обобщающие труды Н.И. Кареева и Х. Раппопорта по истории социологической и историософской мысли.

Пик интереса к субъективной школе в отечественной научной литературе приходится на 1890–1920-е гг. Представители второго поколения этой школы – В.М. Чернов, Н.С. Русанов, Е.Е. Колосов, А. Красносельский, П. Мокиевский и др. – стремились систематизировать идейное наследие своих предшественников П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, интерпретировать их труды в контексте появившихся к тому времени новых философских и научных течений. Субъективная школа стала объектом анализа и в обобщающих трудах по истории отечественной мысли (работы Н.И. Кареева, Р.В. Иванова-Разумника, Д.Н. Овсяннико-Куликовского), авторы которых являлись приверженцами субъективной школы или, по крайней мере, искренне сочувствовали ее учению. Вызывала она пристальное внимание и представителей иных, конкурирующих с ней направлений русской мысли: П.Б. Струве, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин подвергали ее идеи суровой критике с позиций марксизма; Б.А. Кистяковский – с позиций неокантианской философии; наконец, Н.А. Бердяев – с позиций «критического марксизма», подразумевавшего синтез исторического материализма и неокантианской теории познания.

В советский период П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский рассматривались прежде всего как идеологи народничества. Изучение их теоретического наследия, развернувшееся в 1920-е гг. (работы Б.И. Горева, И. Книжник-Ветрова, Б.П. Козьмина, Г. Ладохи и др.), было прервано в силу идейно-политических

причин в 1930-е гг. На страницах «Краткого курса истории ВКП(б)» народничество было охарактеризовано как «злейший враг марксизма»; с этого момента и до середины 1950-х гг. писать о нем было возможно только в заведомо негативистском ключе. Таким образом, к середине XX века традиция субъективной школы в русской мысли оборвалась; прекращено было в Советском Союзе и изучение воззрений ее представителей; их труды до начала «оттепели» не переиздавались.

Второй параграф «Изучение субъективной школы в историографии второй половины XX века» содержит характеристику основных направлений изучения субъективной школы в советской, постсоветской и зарубежной исторической науке, в философской и социологической традиции. Как и прежде, изучение субъективной школы было тесно переплетено с изучением народничества как идейно-теоретического направления.

В советской науке оживление интереса к народничеству наблюдалось с 1960-х годов; то было время своеобразной теоретической реабилитации народничества как политического течения. История народничества как идеологии и как политического движения разрабатывалась в трудах Б.П. Козьмина, М.В. Нечкиной, Э.С. Виленской, В.Ф. Антонова, В.А. Твардовской, Б.С. Итенберга, Н.А. Троицкого, А.И. Володина, И.К. Пантина, Е.Л. Рудницкой, В.Г. Хороса и др. Тогда же, в 1960-1980-е гг., появилось немало работ, посвященных персонально П.Л. Лаврову (труды В.Ф. Антонова, А.И. Володина, Б.С. Итенберга и др.) и Н.К. Михайловскому (труды В.А. Твардовской, Ф.М. Сусловой, Э.С. Виленской и др.). Разработанный Лавровым и Михайловский «субъективный метод» в гуманитарных науках, а также предложенная Михайловским теория «борьбы за индивидуальность» интерпретировались в большинстве этих работ в политическом ключе: как идеологическое обоснование революционного радикализма народников, их волюнтаристского стремления ускорить ход истории. Безусловно, лучшей из работ, посвященных персонально Н.К. Михайловскому, на сегодняшний день остается монография Э.С. Виленской «Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х - начала 80-х годов XIX века»: субъективная школа рассматривается в этом исследовании как российский вариант социологии позитивизма.

В 1960-1980-е годы свет увидело несколько обобщающих трудов, посвященных народничеству как особому направлению социально-философской мысли дореволюционной России: труды А.А. Галактионова и П.Ф. Никандрова, В.А. Малинина, Н.Я. Щипанова и др. по философии и социологии народничества. Предметом исследования в советской науке 1960-1980-х годов становились и исторические концепции идеологов субъективной школы: так, А.П. Казаков исследовал теорию исторического процесса, представленную в трудах Лаврова и Михайловского; внимание Л.И. Рудакова и Б.Д. Парыгина привлекло учение Михайловского о роли психологического фактора в истории, его знаменитая концепция «героев и толпы»; наконец, В.Г. Хорос подробно реконструировал ход дискуссии субъективистов и марксистов по вопросу о движущих силах и направленности исторического процесса.

Разумеется, во всех трудах советского периода, посвященных народничеству и субъективной школе, мыслители прошлого ранжировались в соответствии с их идеологической благонадежностью. В соответствии с оценками, восходящими еще к работам В.И. Ленина, П.Л. Лавров удостоивался похвал как один из лидеров революционного народничества 1870-х гг., а Н.К. Михайловский безоговорочно подлежал осуждению как идеолог «либерального народничества» 1880-1890-х гг., исповедовавший «реакционные философские взгляды». Впрочем, официальная идеология расставляла свои акценты в восприятии наследия «субъективной школы», но не предопределяла сам ход исследовательской работы советских ученых-гуманитариев: проблематику их трудов, исторический и теоретический контекст, в рамках которого рассматривалась «субъективная школа», характер научных дискуссий.

В англо-американской русистике традиция изучения российского народничества и, соответственно, субъективной школы сложилась в 1960-1970-е годы. С точки зрения видных американских русистов, – Дж. Биллингтона, А. Вусинича, А. Валицкого, – именно народничество и субъективная школа в кристаллизованной, максимально яркой форме выявили мировоззренческие черты, свойственные русской интеллигенции в целом: религиозное упование на народ; пламенную веру в социальный прогресс, сопряженный с секуляризацией мысли и эмансипацией личности; моральное неприятие капиталистической модернизации общества; утопическое стремление к построению гармоничного общества, лишённого социальных конфликтов. При этом, по мнению зарубежных исследователей, для народничества как идеологической системы было характерно амбивалентное, неустойчивое сочетание взаимоисключающих ценностей, что проявилось и в народнической философии истории.

В последнем десятилетии XX века в российской науке создалась возможность для непредвзятой оценки вклада представителей «субъективной школы» в формирование отечественной мысли. Состоялась идейно-теоретическая реабилитация «реформаторского», «либерального» народничества, свободного от крайностей экстремизма и левого радикализма: примером тому могут служить работы Б.П. Балуева. Наиболее полная на сегодняшний день реконструкция мировоззрения народников содержится в труде В.В. Зверева «Реформаторское народничество и проблема модернизации России»; в частности, исследователь анализирует философско-исторические теории П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского: предложенные ими «формулы прогресса», учение о «борьбе за индивидуальность» и о роли личности в истории.

Социологические концепции основоположников субъективной школы – П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева – стали предметом исследования в работах Ю.П. Ивонина, И.А. Голосенко и В.В. Козловского, И.Д. Осипова; они рассматриваются в контексте истории позитивистского направления европейской и российской социологии. С опозданием почти в столетие добилась признания отечественных исследователей знаменитая попытка Н.К. Михайловского понять психологические механизмы массовых движений – разработанная им концепция «героев и толпы».

Одной из характерных черт современной исследовательской традиции стали попытки отыскать глубинную основу мирозерцания Лаврова и Михайловского, прочесть их труды как манифестацию неких ценностей, объединявших русскую интеллигенцию XIX века. Распространена, в частности, оценка народнической идеологии как модифицированной версии религиозной ментальности или мифологического сознания (исследования М. Могильнер, В.М. Живова, А. Эткинда). Своим происхождением этот подход обязан как дореволюционной традиции русской мысли, так и зарубежной русистике.

Несмотря на то, что в изучении теоретического наследия мыслителей субъективной школы за последнее десятилетие достигнуты существенные успехи, в историографической традиции, сложившейся вокруг этой проблемы, остаются и свои «белые пятна». В частности, субъективная школа до сих пор остается малоизученной как комплексное научное направление. В большинстве трудов, посвященных субъективной школе, внимание авторов уделяется лишь теоретическим взглядам «отцов-основателей» этого направления – П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского; за пределами исследований остаются те метаморфозы, которые субъективная школа претерпела в начале XX века. Лишь в работах социологов И.Г. Лиоренцевича, И.А. Голосенко и В.В. Козловского были сделаны попытки вычленить этапы развития субъективной школы и очертить широкий круг мыслителей, принадлежавших к этому направлению.

Практически неизученными в современной отечественной историографии остаются труды П.Л. Лаврова, посвященные теории и методологии истории, несмотря на то, что ценность его работ для развития отечественной исторической науки была осознана еще в начале XX века (об этом, в частности, писал А.С. Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории»). Восполнить эти пробелы и призвано настоящее диссертационное исследование.

В третьем параграфе «Дискуссия о теоретико-методологическом наследии Н.И. Кареева в отечественной историографии» освещена история дебатов о принадлежности этого историка к субъективной школе, которые продолжаются в отечественной науке уже свыше ста лет.

С 1880-х по 1910-е годы мнение о принадлежности Н.И. Кареева к субъективной школе было общепринятым в российской науке; первым такое мнение высказал основоположник этой школы Н.К. Михайловский. Критерием принадлежности Кареева к данному направлению было использование им этического подхода к оценке явлений прошлого и настоящего, «апология интересов личности в историческом и общественном развитии», а также разработка им «теории активного прогресса», основанного на сознательной целесообразной деятельности человека. Считая Кареева одним из лидеров субъективной школы, его концепцию избрали в качестве объекта своей критики основоположник российского марксизма Г.В. Плеханов и неокантианец Б.А. Кистяковский. Восприятие Н.И. Кареева как одного из ведущих теоретиков субъективной школы перешло и в труды представителей русского зарубежья: от религиозного философа В.В. Зеньковского до социолога П.А. Сорокина.

Исследователи творчества Н.И. Кареева как историка мыслили его как представителя особой научной школы в историографии. К знаменитой «*ecole russe*» отнесли его французские историки А. Олар, Ж. Жорес, А. Матъез. В.П. Бузескул, В.А. Бутенко причисляли его к «русской школе в области новой истории».

Для историографии советского периода было характерно рассматривать наследие Кареева в контексте проблемы «кризиса буржуазной исторической науки»; при этом исследователи стремились определить «политическое лицо» Кареева – народническое или либеральное – и интерпретировать его научное творчество как воплощение, манифестацию этой политической позиции. Так, Н.Л. Рубинштейн считал, что философия истории Кареева своими корнями уходит в народническую социологию с ее теорией субъективного метода. Позже Б.Г. Вебер характеризовал Кареева как представителя «русской либеральной историографии», «историка-либерала».

Б.Г. Могильницкий и Е.В. Гутнова рассматривали исторические труды Кареева в контексте развития российской «либеральной медиевистики» второй половины XIX – начала XX века. Мировоззрение Кареева (как и других его соотечественников по «русской либеральной медиевистике» – М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, П.Г. Виноградова) было охарактеризовано в их работах следующим образом: либерализм в сфере политических убеждений, интерес к социально-экономической стороне исторического процесса в конкретно-исторических исследованиях, сближавший русских позитивистов с марксизмом; наконец, позитивизм в сфере методологии, с некоторыми отступлениями в сторону «идеализма» субъективной школы. В свою очередь, томский историограф Л.Н. Хмылев утверждал, что Н.И. Кареев «принадлежал к... позитивистскому направлению» и «практически не имел никакого отношения к неокантианству» и к субъективной школе. Эту позицию разделяют В.П. Золотарев, считающий, что Н.И. Кареев «прочно становится на почву позитивизма» еще в начале 80-х годов XIX в., а также и А.Н. Медушевский.

Напротив, советские философы, писавшие о Карееве в те же 1970-е годы, причисляли его к «субъективной школе». Доказательством принадлежности Кареева к субъективной школе эти авторы считали то, что он интерпретировал исторический процесс как «психическое взаимодействие личностей» и разрабатывал «элитарную концепцию культурно-исторического прогресса», согласно которой двигателем истории является «культурное меньшинство».

На рубеже 1980-1990-х годов российские ученые обратились и к изучению тех исторических и историософских концепций XIX – начала XX вв., которые можно было рассматривать как альтернативу марксизму. Актуальным, как никогда прежде, поэтому стало изучение разработанной Н.И. Кареевым теории исторического знания и теории исторического процесса: теоретико-методологическому наследию Кареева специально были посвящены работы Б.Г. Сафронова, Т.А. Двуреченской, Ю.В. Дунаевой и др.

Среди российских социологов к настоящему времени сложилась стойкая традиция восприятия Кареева как ведущего теоретика «субъективной школы» в

социологии и сторонника субъективизма в историческом познании: примером тому могут служить работы И.А. Голосенко и И.Д. Осипова. Доказательством принадлежности Кареева к субъективной школе для этих авторов служит интерес ученого к психологической и аксиологической проблематике, к проблеме «психического взаимодействия» личностей в исторической реальности, а также к творческой природе гуманитарного познания.

Другую позицию занимает историограф Г.П. Мягков, чьи работы посвящены истории «русской исторической школы» – научного сообщества, сложившегося в последней трети XIX века. Его ведущими представителями являлись М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, а также И.В. Лучицкий. Эту историческую школу характеризовали: либерализм в сфере политических убеждений, позитивизм в сфере методологии истории, внимание к социально-экономической стороне исторического процесса в конкретно-исторических исследованиях. Историограф решительно оспорил тезисы ряда историков о том, что Кареев был «видным народническим теоретиком», о принадлежности Кареева к субъективной школе, доказывая, что так называемый «субъективный элемент» его творчества «всецело обосновывается средствами позитивизма» и радикально отличается от субъективизма народников. Подчеркивая, что «субъективные социологи» прорывались к пониманию природы объективно-истинного знания в социальном познании, Г.П. Мягков доказывает, что Кареев находился вне рамок «субъективной школы», однако его эпистемологическая система была до определенных пределов близка воззрениям П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского. В исследованиях В.А. Филимонова наследие Кареева также предстает как феномен научной истории, принципиально не укладывающийся в традиционные историографические схемы, отличающийся и от «крайнего объективизма позитивистов», и от «крайнего субъективизма неокантианцев».

Несколько иной ракурс анализа наследия Н.И.Кареева представлен в исследовании Б.Г.Сафронова, где реконструируются представления Кареева о структуре исторического знания, о взаимоотношениях между философией истории, конкретной историей, теорией истории, социологией и т.д. По убеждению исследователя, Кареева следует считать «одним из старейших и виднейших представителей Московской школы “всеобщих историков” профессора Герье»; но в то же время «Кареев, бесспорно, находился под сильным влиянием обоих лидеров народнической социологии, Н.К.Михайловского и П.Л.Лаврова, - сторонников позитивизма». Проследивая влияние идей Лаврова и Михайловского на разработанную Кареевым теорию прогресса, на трактовку им «субъективного элемента» в гуманитарном познании, соотношения между научной истиной и этическими запросами личности, Сафронов делает вывод о том, что Кареев оставался верным позитивизму, но дополнил классическую позитивистскую традицию субъективным фактором в народническом духе.

Парадигмальный подход к истории исторической науки был реализован в труде А.Н. Нечухрина «Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории». В числе российских историков рубежа XIX-XX вв. Нечухрин разде-

лял тех, кто твердо стоял на позициях «классического позитивизма» (В.О. Ключевский, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков), - и тех, кто пытался творчески обновить позитивизм, перейдя на позиции «критического позитивизма». Н.И. Кареев для Нечухрина выступал как переходная фигура: исследователь отмечал, что в целом философия истории Кареева развивалась в рамках позитивистской историографии, но по вопросам гносеологии Кареев решительно разошелся с позитивистской традицией, предугадав некоторые гносеологические принципы неокантианства и философии жизни. Сходным образом характеризует взаимоотношения Кареева с позитивистской традицией В.П. Корзун, считая теоретическое наследие Кареева примером критики позитивизма «изнутри».

В исследованиях Н.А. Ростиславлевой, Н.М. Дорошенко подчеркивается антропоцентризм воззрений Кареева, аксиологическая направленность его теоретических поисков, что, по мнению исследователей, выводило этого историка за рамки позитивистской традиции и сближало с неокантианством.

В работах Н.В. Новикова утверждается, что в 1880-1890-е годы именно Н.И. Кареев стал главным теоретиком субъективизма в русском обществоведении. По мнению Новикова, Кареев осуществил рационализацию субъективизма в социально-историческом знании, отделив «незаконный субъективизм» от «законного», а методологические основы социологии – от методологического инструментария истории.

Историографический анализ показывает, что вопрос о схоларной и парадигмальной принадлежности творчества Кареева не предполагает однозначного ответа. Для решения подобных проблем, как подчеркивает Г.П. Мягков, важно понимать, что научные школы являются открытыми системами, что им может быть присуще разнообразие внутришкольных ориентаций и даже парадигм. В таком случае вполне возможна интерференция, взаимное пересечение границ научных школ, следствием чего оказывается пребывание тех или иных ученых в двух-трех школах сразу, а также легкость миграции индивидов из одной школы в другую.

По нашему мнению, решая поставленную проблему, следует учитывать самооценку Н.И. Кареева, его понимания своего места в развитии социального знания. Ученый с гордостью писал о своей принадлежности к «русской школе» историков в деле изучения Великой Французской революции. Но в то же время на протяжении всего своего творческого пути Кареев неоднократно заявлял о приверженности к «этико-социологическому направлению в русской социологии», наряду с П.Л. Лавровым, Н.К. Михайловским, С.Н. Южаковым, Л.Е. Оболенским и В.М. Черновым.

Поэтому, на наш взгляд, наследие Кареева предстает как связующее звено между двумя «открытыми системами» – двумя крупными школами в российской мысли конца XIX – начала XX века, одна из которых разрабатывала проблемы профессиональной исторической науки, а другая – проблемы социальной философии и общественной мысли. Это может служить основанием для

рассмотрения теоретико-методологических воззрений Кареева в контексте истории субъективной школы.

В свете этих наблюдений нам представляется вполне обоснованным и правомерным изучение субъективной школы как комплексного направления в системе тех методологических перемен, которые происходили в российской исторической мысли последней трети XIX – начале XX веков.

Во второй главе «ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ В НАСЛЕДИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ» предпринят опыт реконструкции эпистемологической и гносеологической платформы представителей этого направления, систематизированы предложенные ими способы применения «субъективного метода» в гуманитарном исследовании. По нашему мнению, представление о «субъективном методе» или «субъективном элементе в познании» как о производной от народнических идеологем является односторонним и устаревшим в научно-теоретическом плане, – тем более, что сами представители субъективной школы неоднократно предупреждали о недопустимости «незаконного субъективизма» в науке, то есть о недопустимости влияния на научные изыскания личного аффекта, национальных, партийных или конфессиональных пристрастий.

В первом параграфе «Задачи исторической науки в представлениях мыслителей субъективной школы» доказывается, что субъективную школу нельзя однозначно отождествлять с социологическим направлением; ее основоположники разрабатывали методологию гуманитарного познания в самом широком смысле этого слова, в том числе и методологию истории. Определяя задачи истории как науки, П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, а также Н.И. Кареев во многом разделяли позитивистскую программу: представления о прагматической направленности человеческого знания; стремление построить «лестницу наук»; постановку вопроса о существовании законов развития человеческого общества. В то же время они были убеждены, что историческая наука выполняет особую миссию, и это придает ей своеобразие в сравнении с естественными науками: оставаясь по своей сути отраслью научного знания, история должна была в равной мере выполнять и мировоззренческие задачи. Тем самым в гуманитарное познание вносился нравственный компонент, принцип сопоставления реальности и идеала, «сущего» и «должного», использование категорий «желательного» и «возможного» при оценке перспектив социального развития; это предполагало высокий уровень ценностной рефлексии со стороны самого исследователя.

Теоретики субъективной школы по-разному определяли сферу компетенции «субъективного метода» или «субъективного элемента»: если для Лаврова и Михайловского применение данного метода являлось неотъемлемой частью исторического исследования как такового, то Кареев признавал за «субъективным элементом» право на существование только в историко-философских трудах. В то же время все эти мыслители считали, что в основе интереса историка-исследователя к человеческому прошлому лежит потребность в нравственном «суде над историей» и в поиске смысла жизни; именно поэтому для каждого из

них было важно определить ту роль, которую играет субъект в познании истории.

Во втором параграфе «Роль субъекта в историческом познании в концепциях П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева» воссоздается эпистемологическая программа субъективной школы. Субъективный метод (или «субъективный элемент», в терминологии Н.И. Кареева) в их представлениях означал внесение в гуманитарное познание оценочного компонента, ценностную рефлексию со стороны исследователя. С другой стороны, роль, которую играет субъект познания в гуманитарном исследовании, П.Л. Лавров и Н.И. Кареев трактовали шире, чем вопрос о применимости субъективного метода. Они обращали внимание на творческое, авторское начало, которое вносит в научную работу познающий субъект. Креативное начало в историческом познании, как считали представители этого направления, проявляется при выборе «исторической перспективы» анализа, при формулировании предварительной гипотезы, при реконструкции не упоминающихся в источниках «скрытых фактов». Оно играет существенную роль и на этапе «исторического синтеза» - при обосновании каузальных или эволюционных связей между фактами и явлениями прошлого, при построении исторических типологий. Наконец, эти мыслители считали одной из задач исторического познания практику сочувственного вживания, интуитивного проникновения в чужой внутренний мир, реконструкцию, «понимание» чужих идеалов и ценностей.

В третьем параграфе «Историко-психологическая и историко-антропологическая проблематика в трудах мыслителей субъективной школы» доказывается, что в теоретико-методологической программе мыслителей субъективной школы нашли отражение две взаимосвязанные научно-теоретические задачи, в равной степени новаторские и перспективные для своего времени. С одной стороны, Н.К. Михайловский и Н.И. Кареев отдали дань историко-психологической проблематике – попыткам вычленить совокупность наиболее типичных для изучаемой социальной группы психологических реакций. С другой стороны, в работах Н.И. Кареева и П.Л. Лаврова, а затем В.М. Чернова была поставлена цель изучения ментальных и ценностных систем, «бессознательной философии общества», которая определяет внутреннюю логику поведения людей в каждую историческую эпоху. В их творчестве были заложены основы не только исторической психологии, но и исторической антропологии – изучения истории в ее культурно-антропологическом измерении. Разработанная российскими субъективистами методология историко-психологического и историко-антропологического исследования в начале XX века нашла практическое применение в трудах историков литературы, близких по своим воззрениям к субъективной школе – Д.Н. Овсянико-Куликовского и Р.В. Иванова-Разумника.

В этой области особенно явственно прослеживаются отличия субъективной школы от классического позитивизма. П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев и В.М. Чернов предвосхитили многие черты исторической науки середины и второй половины XX века: рождение исторической антропологии с

ее интересом к аксиологической, ценностной стороне человеческого поведения, появление истории ментальностей или картин мира, попытки реконструкции семиотических систем прошедших эпох. Размышления о возможности «сочувственного переживания» в гуманитарном исследовании вывели мыслителей субъективной школы на такие проблемы исторического познания, важность и сложность которых в полной мере были осознаны лишь исторической наукой следующего столетия.

В третьей главе «ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ» выявляется основное внутреннее противоречие исторических воззрений представителей этой школы – противоречие между детерминистическим и телеологическим восприятием истории. Позитивистское стремление к созданию концептуально единой научной картины мира склоняло мыслителей субъективной школы к поиску объективных и непреложных законов истории, действующих по аналогии с законами неорганического мира. В то же время разработанная П.Л. Лавровым в «Исторических письмах» этика «искупления долга перед народом», ставшая стержнем народнической идеологии, предполагала восприятие человека как существа, способного к свободной постановке целей и к свободному выбору средств для их достижения. С точки зрения Лаврова, «закон прогресса» должен учитывать и включать в сферу своего действия свободную целенаправленную деятельность человека. Осознавая противоречие между этими познавательными установками, мыслители субъективной школы предложили несколько способов решения теоретической проблемы свободы и закономерности в историческом процессе.

В первом параграфе «Естественнонаучные закономерности в общественной жизни» рассматриваются попытки мыслителей субъективной школы применить в сфере гуманитарного познания некоторые естественнонаучные подходы: в частности, теорию Ч. Дарвина и «органическую социологию» Г. Спенсера, а также разработанную Н.К. Михайловским на базе спенсеровских идей теорию «борьбы за индивидуальность». Применение естественнонаучных законов в сфере гуманитарного познания закономерно вытекало из познавательной программы позитивизма: приверженцы этого философского направления были убеждены, что, поскольку человек является одним из биологических видов, на социальную жизнь должно распространяться действие определенных биологических закономерностей. Тем не менее и теорию Дарвина (в применении к человеческому обществу), и теорию Спенсера мыслители субъективной школы воспринимали критически, считая, что действие биологических законов в человеческом обществе осложняется дополнительными факторами: способностью человека сознательно выбирать, чью сторону он займет в «борьбе за существование» или в «борьбе за индивидуальность».

Во втором параграфе «Теория социального подражания и концепция развития человеческих потребностей» освещается предложенная Михайловским теория массового подражания (известная как теория «“героев” и “толпы”»), а также концепция развития человеческих потребностей, которую одно-

временно разрабатывали П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и Л.Е. Оболенский. Указывается, что теория «“героев” и “толпы”» Н.К. Михайловского оказала влияние на исследования знаменитого российского психиатра В.М. Бехтерева в области социальной психологии. Согласно нашей интерпретации, эти теории были призваны решить общую задачу: представить человека как биологическое существо, состоящее в тесном родстве с животным миром, как звено в цепи эволюции природы, и в то же время учесть и подчеркнуть специфику истории человечества как истории развития и усложнения человеческих потребностей. Мыслители подчеркивали те качества, которые выделяют человека из мира природы – способность к изобретениям и к умственному совершенствованию, стремление создавать этический идеал и воплощать его в жизни, наконец, «наслаждение развитием».

Третий параграф «Свобода и закономерность в историческом процессе в трудах П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева» посвящен теоретическим аспектам их исторических воззрений. В произведениях лидеров первого поколения субъективной школы было представлено несколько возможных решений вопроса о соотношении исторических закономерностей и свободы воли, поставленных людьми целей и объективных исторических условий, детерминирующих их деятельность. П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский в своих трудах предложили две противоречащие друг другу модели исторического процесса: антропо-телеологическую, согласно которой человеческие цели и идеалы могут направлять ход исторических событий в желаемом направлении, – и механистическую, согласно которой ход истории объективно детерминирован, а свобода человеческого целеполагания представляет собой не более чем полезную психологическую иллюзию. Сделать решительный выбор между этими моделями мыслителям было нелегко в силу ценностных соображений. Отвергнуть представления о свободе человека в историческом процессе значило бы изгнать из исторического познания нравственно-этическую оценку, столь важную для русских субъективистов; отказ же от убеждения в закономерном и предсказуемом характере исторического процесса означал бы, с их точки зрения, капитуляцию науки перед лицом мистиков и провиденциалистов.

Согласовать друг с другом детерминистическое и телеологическое видение истории попытался в своих философско-исторических работах Н.И. Кареев. Согласно предложенной им теории, поведение индивидуума обусловлено «надорганической средой» – культурой, социальной организацией, в условиях которых формируется, живет и действует человек; но абсолютной предопределенности в истории не существует – человек способен творчески перерабатывать внешние влияния и в силу внутренней мотивации избирать или создавать определенный вариант действий. Историческая реальность в произведениях Кареева представала в виде сложной ветвящейся структуры: каждый момент исторического развития виделся ему как развилка возможностей, из которых только одна становится реальностью.

В своих последних историко-философских работах («Задачи понимания истории» и «Важнейшие моменты в истории мысли») П.Л. Лавров принял пред-

ложенное Н.И. Кареевым решение вопроса о возможности и необходимости в истории. Развивая идеи Кареева, мыслитель-субъективист пришел к выводу, что одним из инструментов в методологическом арсенале историка может быть гипотетическое воссоздание утраченных альтернатив исторического развития; история человеческого общества представлялась Карееву и Лаврову причинно обусловленной, но лишенной однозначной предопределенности.

Такое решение проблемы детерминизма и телеологии соответствовало эпистемологической программе мыслителей субъективной школы: стремление изучать «бессознательную философию общества» и «исторические нравственные типы» получало дополнительное обоснование, если признать, что человеческие цели, идеалы и ценности оказывают определенное влияние на ход исторического процесса.

Четвертая глава «“ФОРМУЛЫ ПРОГРЕССА” В НАСЛЕДИИ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО, П.Л. ЛАВРОВА И Н.И. КАРЕЕВА» включает три параграфа: «**“Формула прогресса” Н.К. Михайловского и ее критики**», «**Проблема перехода от “культуры” к “цивилизации” в трудах П.Л. Лаврова**» и «**Концепция всемирно-исторического процесса Н.И. Кареева**». В ней принят сравнительный анализ концепций всемирно-исторического развития, выдвинутых ведущими теоретиками субъективной школы, выявлены как принципиальные различия, так и родственные черты их концепций.

«Формулы прогресса», созданные мыслителями субъективной школы, носили идеологический характер, служили манифестацией социально-культурных ценностей российской интеллигенции последней трети XIX века: народнических – для Лаврова и Михайловского, либерально-демократических с заметным социалистическим элементом – для Кареева. Высокий уровень теоретической рефлексии этих мыслителей проявился в том, что они сознавали субъективный, исторически-преходящий характер своих собственных идеалов; в этом заключалась принципиальная, методологическая общность их воззрений.

Каждый из указанных мыслителей пытался воссоздать общую линию хода всемирной истории, показать путь развития человечества как цепь непрерывных и необратимых изменений. В то же время они обращали внимание на такие тенденции всемирно-исторического процесса, как цикличное повторение аналогичных явлений и «фазисов». Прогресс в их изображении не был прямолинеен; периоды движения человечества вперед перемежались историческими катастрофами, периодами застоя и регресса. В наследии мыслителей субъективной школы отразились два различных подхода к осмыслению истории: подходы, которые в XX веке назовут соответственно «прогрессистским» и «цивилизационным».

Так, и Михайловский, и Кареев стремились выделить в составе рода человеческого различные «исторические типы» или «типы развития», кардинально отличавшиеся друг от друга (хотя они пришли к этой идее разными путями: Михайловский попытался перенести в историческую науку биологическое разграничение родов и видов, Кареев же развивал свою теорию «исторических типов» под влиянием критики «России и Европы» Н.Я. Данилевского). И Михай-

ловский, и Кареев считали, что Россия изначально представляет собой «исторический тип», отличающийся от западноевропейского типа; но выводы из этого делались противоположные: Михайловский требовал, чтобы Россия сохраняла самобытность своего типа даже ценой отставания от Европы, а Кареев настаивал, что Россия должна теснее и энергичнее сближаться с современной европейской цивилизацией. Разногласия в решении этого вопроса определялись видением исторического процесса в целом: если Кареев был убежден, что ход исторического развития направляет человечество к более гуманному и справедливому строю, то Михайловский яростно бунтовал против «естественного хода вещей», ведущего, по его мнению, к усложнению общества и к деградации личности. Лавров занимал в этом вопросе особую позицию; он считал, что резкие различия «типов» характерны лишь для традиционных культур, а творческая мысль – неотъемлемая черта современной цивилизации – универсальна и космополитична по своей природе.

Следует отметить, что приверженцам субъективной школы не удалось создать единой концепции исторического прогресса, единой стратегии объяснения хода исторических событий, которая бы однозначно ассоциировалась у современников с субъективной школой. Более того: они расходились друг с другом по целому ряду ключевых моментов понимания истории. Органицистский подход к восприятию общества, который являлся методологической основой историко-социологических исканий Михайловского, был глубоко чужд Карееву и Лаврову; историко-философская концепция развития человеческих потребностей в ходе истории была воплощена в трудах Михайловского и Лаврова, но не оказала существенного влияния на исторические исследования Кареева; наконец, противопоставление различных «исторических типов», которому отдали дань в своих работах Михайловский и Кареев, не сыграло заметной роли в творчестве Лаврова.

Тем не менее, общей чертой историко-философских концепций мыслителей «субъективной школы» была поставленная ими проблема культурного и социального раскола между «меньшинством и большинством», интеллигенцией и народом; именно этот раскол, как считали они, продуцирует социальные катастрофы и может стать причиной гибели цивилизации. Размышления о путях преодоления этого раскола, в конечном счете, и легли в основу предложенных ими «формул прогресса»: Кареев возлагал свои надежды на всемирное распространение европейской цивилизации нового времени с имманентно свойственным ей стремлением к свободе и равенству; Михайловский – на возвращение к типу «целостной индивидуальности», характерному для докапиталистических обществ; Лавров – на устранение противоречий между меньшинством и большинством путем сознательного создания «промежуточных звеньев» между ними.

Утверждая, что исторический процесс допускает сознательное человеческое вмешательство, и что круговорот «типов» и «культур» можно «распрямить», мыслители субъективной школы тем самым отрицали фатальный характер закономерностей исторического развития; чередование аналогичных исторических

явлений представало в их трудах как реально существующая, но отнюдь не неизменная тенденция в жизни человечества. Это убеждение полностью согласовывалось с эпистемологической программой российских субъективистов, с их убеждением, что история по сути своей многовариантна, и что победа того или иного варианта развития зависит от целенаправленных усилий человека.

В пятой главе «СУБЪЕКТИВНАЯ ШКОЛА И МАРКСИЗМ: ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСАМ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ» рассматриваются теоретико-методологические аспекты дискуссии, развернувшейся между приверженцами субъективной школы и сторонниками марксизма в 1890-1900-е годы.

Начало XX века стало особым этапом в развитии теоретических воззрений субъективной школы. Для нее это было время смены поколений – ушедших из жизни П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского сменили идеологи неонародничества во главе с В.М. Черновым; другой характерной особенностью этого периода стал диспут приверженцев субъективной школы с марксизмом, во многом определивший пути развития теоретической доктрины «субъективистов».

Эти дебаты были одним из направлений более широкой дискуссии – между народничеством и марксизмом. Для того, чтобы марксизм смог отстоять свое право на жизнь в русской мысли, марксистам необходимо было доказать теоретическую и практическую несостоятельность народнической идеологии во всех ее ипостасях, – а следовательно, и несостоятельность исторических построений субъективной школы, судьбы которой были неразрывно связаны с судьбами народничества. В центре дискуссии оказались проблемы не только теоретически-методологического, но и мировоззренческого ранга: проблемы направленности исторического процесса и его движущих сил, исторических закономерностей, роли человека в истории, его способности или неспособности вмешаться в объективно детерминированный ход истории и направить его в сторону сознательно поставленных целей.

В первом параграфе «Отечественная историография дискуссий между народниками и марксистами» рассматривается история изучения данной тематики на протяжении XX века.

Первыми историографами дискуссии между народниками и марксистами стали сами ее участники. Безусловно, труды тех и других, появившиеся на свет в начале XX века, были подчинены задачам идейной борьбы: обращаясь к истории этих дебатов, как народники, так и марксисты стремились еще раз подчеркнуть сильные стороны собственного мировоззрения и слабые места в позиции оппонентов. Российские социал-демократы, начиная с В.И. Ленина и Ю.О. Мартова, рассматривали эту дискуссию с точки зрения классового противоборства: как считали они, народничество изначально не имело шансов на победу в дебатах с марксистами, поскольку отражало интересы крестьянства – класса, которому экономическое развитие грозило уничтожением. Напротив, Н.А. Бердяев, Р.В. Иванов-Разумник, Д.Н. Овсянко-Куликовский расценивали дебаты между народниками и марксистами как историю противоборства двух

различных психологических типов российской интеллигенции: «героического» народнического и «прагматичного» марксистского.

В исторической науке советского периода в течение 1920-1930-х годов история споров народников и марксистов преподносилась как история боевых действий, где не могло быть примирения, а любой компромисс трактовался как предательство. В годы «оттепели» и в последовавшие за ними 1970-е годы оценки народничества стали более взвешенными и диалектичными, но общий подход к истории спора народников и марксистов по-прежнему диктовался идеологическими соображениями. Как правило, авторы научных трудов по истории этого диспута подробно реконструировали аргументацию марксистов, в особенности Г.В. Плеханова и В.И. Ленина, и лишь мимоходом, в силу необходимости, освещали доводы их противников. Серьезная попытка пересмотреть утвердившиеся в советской научной литературе шаблоны и стереотипы была предпринята в исследовании В.Г. Хороса «Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.)» (М., 1972); с его точки зрения, соотношение народнической и марксистской идеологии может быть верно понято лишь в том случае, если исследователи обратятся к изучению того, как изменялось народничество в полемике с марксизмом, какие стороны марксистской теории оно вобрало в себя.

В свою очередь, американский исследователь А. Мендель, чья работа «Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism» вышла в свет в 1960-е гг., рассматривал народничество и марксизм как две равноправные стратегии экономической и политической модернизации России.

В 1990-2000-е годы для российской исторической науки характерным становится стремление пересмотреть итоги теоретических дебатов между марксистами и народниками, непредвзято осветить позицию народников в этом споре, выявить продуктивные стороны народнической экономической концепции. Примером тому могут служить, в частности, работы М.И. Леонова, П.И. Савельева, В.Ф. Антонова и др. Так, В.В. Зверев, анализируя ход дискуссии между народниками и марксистами на основе признания равнозначности двух доктрин как вариантов модернизации общества, перехода от традиционной к индустриальной стадии развития, отстаивает мнение, что позитивным итогом этой дискуссии мог бы стать конструктивный синтез народнических и марксистских идей. Наконец, с точки зрения В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга, высказанной ими в работе «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?», дискуссия между народниками и марксистами позволила выявить слабые, уязвимые стороны марксистской доктрины.

Роль, которую сыграл Н.И. Кареев в дискуссии между марксистами и сторонниками субъективной школы, неоднократно становилась предметом историографических исследований как в советский, так и в постсоветский период. Историографы (Б.П. Могильницкий, Е.В. Гутнова и др.) отмечали следующий парадокс: с одной стороны, Кареев, как и другие представители «русской исторической школы», обращался к изучению социально-экономической стороны исторического процесса и использовал для объяснения социальных процессов

элементы «экономического материализма»; с другой стороны, Кареев, испытав несомненное влияние учения Маркса в сфере конкретно-исторических исследований, выступал решительным противником материалистической теории исторического процесса в целом. В некоторых случаях исследователи считали нужным подчеркнуть, что, споря с идеологами социал-демократии, Кареев стремился подняться над односторонностью «экономического материализма» и предложить дуалистическое соединение материалистического и идеалистического понимания истории (такого мнения придерживается, в частности, В.П. Золотарев).

Таким образом, к настоящему времени в отечественной науке наметилось восприятие дебатов между марксизмом и народничеством (а в равной степени – между марксизмом и субъективной школой) не только как эпизода бескомпромиссной борьбы за лидерство в леворадикальном лагере, но и как конструктивной дискуссии.

Второй параграф «Проблема свободы и закономерности в дискуссии между марксистами и представителями субъективной школы» и третий параграф «Проблема движущих сил исторического процесса в интерпретации марксистов и представителей субъективной школы» посвящены анализу теоретико-методологических вопросов, затронутых в ходе этих диспутов.

В диспуте с марксистами о движущих силах исторического процесса большинство представителей субъективной школы заняли компромиссную позицию. Они не отрицали, что существенную роль в социальной эволюции играет экономика, рост и развитие производительных сил; но не соглашались с марксистами в том, что «экономический фактор» детерминирует – напрямую или косвенно – все прочие сферы жизни общества. Сторонники субъективной школы стремились отстоять самостоятельность психологического и «идейного» факторов в историческом процессе, доказать, что во многих случаях развитие экономики обусловлено развитием человеческих идей, убеждений, знания.

Восприятие исторической реальности как сферы взаимодействия и сложного переплетения разнородных факторов диктовало соответствующее решение проблемы соотношения закономерности и свободы. Пройдя через крайности механистического детерминизма (отразившегося в работах П.Л. Лаврова 1870-х годов) и полного отрицания законов истории (в работах И.И. Каблиц-Юзова, В.П. Воронцова и Л.Э. Шишко), представители субъективной школы делали выводы, что исторические закономерности обладают собственной спецификой; что их следует описывать не как математически точные формулы, но скорее как тенденции, вырисовывающиеся из лабиринта случайностей; что при анализе исторической реальности необходимо учитывать такие категории, как «вероятность» и «возможность». Размышления о «законах истории» приводили мыслителей субъективной школы не к фатализму, но к вере в преобразующую мощь человеческих стремлений и нравственных идеалов; ирония истории состояла в том, что их собственные социальные идеалы остались нереализованными: в конце 1917 – начале 1918 гг. политическую победу одержали их оппоненты.

Тем не менее, на наш взгляд, многочисленные «ревизионистские» эпизоды в истории русского марксизма наглядно показывают, что дискуссия между марксистами и мыслителями субъективной школы не прошла бесследно для российской общественной мысли. Так, «критического марксиста» М.И. Туган-Барановского именно этот диспут побудил пересмотреть теоретические основы марксизма: в своих последующих работах Туган-Барановский стремился доказать, что движущей силой истории является развитие человеческих потребностей, и что экономические потребности и интересы являются лишь одной, но далеко не единственной, гранью многостороннего исторического процесса. Г.В. Плеханов, Н.А. Рожков признавали, что психология человека и сфера «идей» обладают определенной самостоятельностью от производственных отношений, резко возражая против вульгарно-материалистических попыток выводить любое «надстроечное» явление напрямую из «базиса». Наконец, сторонники эмпириокритицизма – А.В. Луначарский, А.А. Богданов, В.В. Базаров, – попытались преодолеть характерное для классического марксизма восприятие отношений экономики и культуры как жесткой односторонней зависимости и дополнить историческую философию марксизма антропологической составляющей.

Разумеется, невозможно утверждать, что те или иные изменения были внесены в марксистскую доктрину под прямым влиянием дебатов с народниками и субъективистами; но, тем не менее, в ходе диспута были найдены «болевые точки», уязвимые пункты этой доктрины, – в частности, проблема соотношения «общественного бытия» и «общественного сознания», «базиса» и «надстройки», целеполагающей деятельности человека и объективных закономерностей истории. Субъективисты перенимали такие стороны марксистской теории, как учение о классовой борьбе, представления о роли экономического развития в общественной эволюции; марксисты, в свою очередь, проявляли все больший интерес к психологическому «фактору» исторического процесса, к разнообразию человеческой мотивации и роли «идей» в процессе социального развития.

В заключении диссертации подведены основные итоги, сделаны выводы и обобщения.

Субъективная школа существовала в русской мысли в период с 1860-х по 1920-е гг.; в ее истории можно выделить два поколения. К первому поколению (1870-1890-е гг.) принадлежали основоположники этой школы: П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, С.Н. Южаков; близки к ним по своим теоретико-методологическим взглядам были идеологи народничества И.И. Каблиц-Юзов и В.П. Воронцов, философы В.В. Лесевич и Х. Раппопорт. Ко второму поколению (1900-1920-е гг.) принадлежали идеологи неонародничества В.М. Чернов, Н.С. Рusanов, М.Р. Гоц, социологи С.И. Гальперин и П.Ф. Николаев, литературный критик Р.В. Иванов-Разумник, историк литературы Д.Н. Овсянко-Куликовский и другие. Начало XX века для субъективной школы стало временем концептуального оформления, подведения итогов и теоретической рефлексии.

Как показало настоящее исследование, представители субъективной школы, разрабатывая методологию гуманитарного познания, в том числе методологию истории, а также проблемы теории исторического процесса, ставили на первое место вопросы, которые носили мировоззренческий и праксиологический характер: проблему направленности хода истории, вопрос о соотношении объективно действующих факторов исторического процесса и сознательно поставленных человеком целей, исторической необходимости и свободы.

Субъективная школа изначально формировалась как российское ответвление позитивистской философии, унаследовав следующие особенности позитивизма: представления о возможности создания концептуально единой научной картины мира на базе синтеза естественных и социальных наук; убеждение в том, что важнейшей задачей социальных наук является познание закономерностей, действующих в общественной жизни.

В то же время, как нам удалось установить в результате предпринятого историографического анализа, разработанная мыслителями субъективной школы историческая эпистемология представляла собой радикальный пересмотр позитивистской парадигмы познания; главной ее особенностью было восприятие познающего субъекта как активной, креативной стороны познания, а исторического знания – как многогранного, слагающегося из множества интерпретаций. Благодаря этому представители субъективной школы смогли поднять вопрос об особом характере исторического познания и особом месте истории в ряду прочих наук.

Следует отметить, что теоретической заслугой мыслителей субъективной школы была разработка программы исторического «понимания» как одной из важнейших задач исторической науки; обращение российских субъективистов к историко-антропологической проблематике позволяет считать их провозвестниками антропологического поворота в исторической науке.

Отличительной особенностью историко-философских концепций мыслителей субъективной школы, по нашему мнению, было обращение их к проблеме культурного и социального раскола между интеллигенцией и народом, «меньшинством и большинством»; этот раскол, как считали они, продуцирует социальные катастрофы и может стать причиной гибели цивилизации. Отказавшись от прямолинейного исторического оптимизма, мыслители субъективной школы отрицали представление, что прогресс человеческого общества совершается автоматически, в силу имманентно присущей истории необходимости, и именно потому обращались к своим последователям с требованием социальной активности или даже революционного подвижничества.

Теоретическая рефлексия мыслителей субъективной школы проявилась в том, что они осознавали исторически преходящий, субъективный характер своих собственных социальных идеалов и разработанных ими «формул прогресса», служивших манифестацией социально-культурных ценностей российской интеллигенции последней трети XIX века.

Не отрицая существования социальных закономерностей, теоретики субъективной школы отстаивали убеждение, что действие этих законов в историче-

ской реальности корректируется вмешательством сознательной человеческой воли.

В ходе настоящего исследования было выявлено, что в произведениях мыслителей субъективной школы было предложено несколько возможных решений проблемы соотношения свободы и закономерности в историческом процессе: антропо-телеологическая и механистическая модели исторической реальности, трактовка исторического процесса как арены противоборства многих возможностей и как процесса векторного сложения противоборствующих социальных сил. Колебания российских субъективистов между детерминистическим и телеологическим видением истории были обусловлены ценностными соображениями: стремлением объединить позитивистский идеал научного познания с этикой социальной активности. Представителям субъективной школы не удалось выработать единой стратегии решения данного вопроса, что способствовало снижению идейного и интеллектуального авторитета этого направления.

Дебаты с приверженцами марксизма, развернувшиеся на рубеже XIX-XX вв., сыграли в судьбе субъективной школы как негативную, так и конструктивную роль. Принимая марксистскую концепцию классовой борьбы и воспринимая развитие производительных сил как один из важнейших факторов исторического процесса, мыслители субъективной школы стремились оспорить марксистский постулат о зависимости «надстройки» от «базиса» и обосновать самостоятельность психологического и идейного факторов исторического процесса.

Проведенное исследование показало, что процесс смены парадигм исторического мышления, развернувшийся в русской мысли в XX веке, непосредственно отразился на развитии субъективной школы. Возникнув как российское ответвление позитивизма с характерным для него объективизмом и стремлением к изучению исторических закономерностей, субъективная школа сумела во многом преодолеть позитивистский подход к истории; в трудах ее представителей были намечены существенные черты антропологической парадигмы, ориентированной на реконструкцию ментальных структур прошлого.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии

1. Леонтьева, О.Б. Властители дум: Интеллектуальная история России от Великих реформ до революции 1917 года: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 214 с. (12 печ.л.).
2. Леонтьева, О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX-XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 204 с. (12 печ.л.)¹⁸.
3. Леонтьева, О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 200 с. (12 печ.л.)¹⁹.

¹⁸ Рецензия: Ушаков А.И. // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманит. серия. 2004. № 3 (33). С.228-230.

Статьи, опубликованные в ведущих научных журналах

4. Леонтьева, О.Б. Методология исторического познания в наследии мыслителей субъективной школы // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. выпуск «Современные проблемы истории и философии». 2002. С.73-84 (0,7 печ.л.).

5. Леонтьева, О.Б. Диалог интерпретаций: по поводу нового опыта прочтения А.И. Герцена // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманит. выпуск. 2002. № 3 (25). С.47-56 (0,6 печ.л.).

6. Леонтьева, О.Б. Становление исторической психологии в русской науке XIX – начала XX века: к истории карандашных помет в одной старой книге // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. выпуск «Новые гуманитарные исследования». 2003. С.66-75 (0,6 печ.л.);

7. Леонтьева, О.Б. Классовая борьба и внеклассовая этика: «критические марксисты» о движущих силах исторического процесса // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. выпуск «Гуманитарные исследования». 2005. С.70-76 (0,4 печ.л.)

8. Леонтьева, О.Б. Историческая концепция А.А. Богданова: теоретические поиски русского марксиста // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2005. № 1 (35). С.42-51 (0,7 печ.л.).

Статьи

9. Леонтьева, О.Б. Курс «Интеллектуальная история России от Великих реформ до революции 1917 года» // Актуальные проблемы преподавания российской истории в университетах России и США: Российско-американский симпозиум, Россия, Самара. 6-8 июня 1998. Самара, 1998. С.18-25 (0,5 печ.л.).

10. Leont'eva, O. [рец. на:] Thomas Sanders, ed., *Historiography of Imperial Russia: The Profession and Writing of History in a Multinational State*. Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1999 / transl. by Nigel Raab // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. New Series, Vol.1, № 4 (Fall, 2000). С.794-804 (0,6 печ.л.).

11. Леонтьева, О.Б. Историософская традиция русской мысли и «критика исторического разума» // Российская интеллигенция: Критика исторического опыта: тез. докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех», 1-2 июня 2001 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С.77-78 (0,2 печ.л.).

12. Леонтьева, О.Б. Забытые страницы русской мысли: человек и история глазами «субъективной школы» // Самарский земский сборник: общ.-полит. и науч. журн. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. № 1 (5). С.139-145 (0,4 печ.л.).

13. Леонтьева, О.Б. Теория исторического процесса в наследии мыслителей субъективной школы // XXI век: Итоги прошлого и проблемы настоящего: межвуз. сб. науч. тр. Пенза: Пензен. технологический ин-т, 2002. С.51-57 (0,4 печ.л.).

¹⁹ Рецензия: Мягков Г.П. // Изв. Самар. науч. центра РАН. Спец. выпуск «Гуманитарные исследования». 2005. С.166-168.

14. Леонтьева, О.Б. Субъективное и объективное в историческом познании: не востребовавшийся опыт «субъективной школы» // Философский век: альм. Вып. 21. Науки о человеке в современном мире. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2002. С.206-214 (0,5 печ.л.).

15. Леонтьева, О.Б. Интеллектуальная история России и традиция американской историографии // Российско-американское сотрудничество в области высшего и среднего образования: опыт и перспективы. Сб. материалов науч.-практ. конф. (Самара, 4-5 ноября, 2002 г.). Самара: Самар. центр «Культура мира», 2002. С.22-25 (0,25 печ.л.).

16. Леонтьева, О.Б. Субъективная школа и проблема кризиса позитивизма в русской исторической науке рубежа XIX-XX вв. // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С.Лаппо-Данилевского: Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып.1. СПб.: Северная звезда, 2003. С.261-275 (1 печ.л.).

17. Леонтьева, О.Б. Историческая эпистемология Н.А. Бердяева в контексте антропологического поворота в историческом знании // Человек в современных философских концепциях: материалы Третьей Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 14-17 сент. 2004 г.: в 2 т. Волгоград: ПРИНТ, 2004. Т.2. С.575-580 (0,3 печ.л.).

18. Кутявин, В.В. Лексикон «Идеи в России»: опыт интерактивной культурологии / В.В.Кутявин, О.Б.Леонтьева // Европа: журн. Польск. Ин-та междунар. дел. Т.4. Warszawa. 2004. № 2 (11). С.171-186 (1 / 0,5 печ.л.).

19. Леонтьева, О.Б. Проблемы теории исторического процесса в русской марксистской мысли рубежа XIX-XX веков // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004 (0,5 печ.л.).

20. Леонтьева, О.Б. Историческая психология и марксизм: Парадоксы наследия Н.А. Рожкова // Самарский земский сборник: Общ.-полит. и науч. журн. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. № 1 (8). С.151-159 (0,5 печ.л.).